Глава I

КАТЕГОРИЯ НАРОДНОГО БОГАТСТВА В СТАТИСТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Слово «богатство» употребляется в русском разговорном и литературном языке прежде всего в смысле количества вещей, а не их качества: богатство противопоставляется бедности, как обилие — скудости. В таком относительном смысле слово богатство применяется в обыденной речи не только к материальным предметам, но ко всяким признакам и свойствам вещей, людей: «богатство красок», «богатство языка», «богатство мыслей», «богатство ощущений» и т. п.

В экономической науке термин «богатство» употребляется в абсолютном смысле, обозначая сумму определенных объектов, элементов или абсолютный уровень какого-то феномена [1].

В этом абсолютном смысле слово «богатство» применяется ко всей стране в целом и является объектом изучения экономической науки и статистического исследования [2].

Невозможно дать сколько-нибудь исчерпывающее перечисление определений богатства в отношении ко всей стране — народного, национального, социального, общественного и т. д., — дававшихся хотя бы только за последнее столетие экономистами, статистиками, социологами разных стран, отметить все оттенки мыслей, вклады-

[1] Очень ярко подчеркнуто это различие понимания слова «богатство» в разговорной речи и в экономической науке у Н. Г. Чернышевского в его примечаниях к переводу Д. С. Милля (Основания политической экономии, СПб., 1909, стр. 24 и сл.). Он же обращает здесь внимание на то, что этот различный смысл слова «богатство» вносит путаницу.

Немецкий экономист Грунцель также останавливается на этом вопросе. Он считает, что немецкие слова «reich» и «Reichtum» всегда имеют относительный смысл. «Богатый» — это тот, кто имеет больше, чем его потребность, или больше, чем другие. Богатство — все то, что делает человека богатым (J. Gruntzel, Die Lehre vom Volksreichtum, Leipzig, 1926, SS. 1—2).

[2] Напомним, что два представителя домарксовой классической политической экономии (Тюрго и Адам Смит) этот непосредственный объект нашего изучения ввели в само заглавие своих работ.

вавшихся в разное время исследователями в понимание богатства страны [1].

Такая задача в настоящей работе и не ставится. Мы хотим здесь наметить лишь основные вехи в развитии этого понятия у буржуазных авторов и указать главнейшие концепции по этому вопросу, пренебрегая многочисленными вариациями и разнообразием оттенков. Мы останавливаемся поэтому на взглядах лишь немногих исследователей, характерных для той или другой концепции, по преимуществу из числа авторов статистических исчислений народного богатства, ибо в последующем эмпирическом исследовании иногда полнее раскрывается содержание понятия и представления автора.

2. РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ НАРОДНОГО БОГАТСТВА КАК ОБЪЕКТА СТАТИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Богатство страны, нации, народа, общественное, социальное богатство — все эти словосочетания появляются уже на заре экономической науки. Несмотря на то что отдельные, правда немногочисленные, статистические исчисления народного богатства, подобные современным, восходят еще к XVII и началу XVIII столетия, указанные термины имели долгое время весьма неопределенный, расплывчатый характер. Богатство страны или народа отождествляют с весьма широким и неуловимым понятием «благополучие», «благосостояние», «довольство» [2] и т. д., ищут и приводят различные синтетические показатели такого «благосостояния». Статистическое исчисление таких показателей стремилось удовлетворить прежде всего фискальные интересы правящих классов, а эти интересы были направлены на познание, во-первых, суммы частных имуществ страны и их состава по видам имущества и, во-вторых, доходов отдельных групп и классов и совокупного дохода населения в целях налогового обложения и имущества, и доходов.

По мере развития экономической мысли и появления статистических исчислений шел и процесс теоретического осмысливания различных синтетических экономических категорий, в том числе и народного богатства.

Само собой разумеется, что стремления и попытки выразить благосостояние и мощь страны первоначально должны были исходить из имевшегося представления о том, что считать богатством отдельного лица.

Если мерилом благосостояния отдельного лица является объем его материального имущества, количество накопленных ценностей,

[1] «Autant de savants, autant de définitions» («сколько ученых, столько определений»), — восклицает Ф. Фелльнер в своем докладе Международному статистическому институту («Bulletin de l'Institut Int. de Statistique, t. 13, Livr. 2, Budapest, p. 97).

[2] Таким образом англ. «wealth» смешивалось с «welfare», с «well-being»; франц. «richesse» и «fortune» с «bien-être»; немецкое «Volksvermögen» и «Volksreichtum» с «Wohlfahrt», «Wohlstand», «Wohlergehen», «Wohlsein» и т. п.

то естественно отсюда это понимание перенести и на нацию в целом, т. е. считать, что и богатство нации измеряется количеством накопленных ценностей и прежде всего запасом золота — этим всеобщим эквивалентом.

Таковы были, как известно, воззрения меркантилистов, которые считали, что только деньги и драгоценные металлы, накопленные в стране, составляют богатство. И не случайным является то обстоятельство, что как раз «политические арифметики», прежде всех статистически занявшиеся изучением народного богатства Англии (В. Петти, Ч. Давенант, Грегори Кинг), рассматривали последнее как сумму накопленных ценностей. И исчисление ими народного богатства во многом напоминает соответствующие работы современных статистиков.

На смену меркантилистам пришли физиократы. Доктрина о том, что деньги и драгоценные металлы составляют основу богатства страны, что благоприятный внешнеторговый баланс является показателем ее благосостояния, подверглась резкой критике физиократов [1].

Сущность богатства мыслилась физиократами прежде всего в виде ежегодно воспроизводимого потока продуктов производства, разрушаемого непрерывно потреблением и вновь возобновляемого трудом людей.

«Производительные издержки совершаются на земледелие, луга, пастбища, леса, рудники, рыболовство и т. п. с той целью, чтобы *воспроизводить беспрестанно богатства*, состоящие в зерновых хлебах, напитках, лесах, скоте, в сырых материалах для изделий ручного труда и т. п.», — так начинает Франсуа Кенэ объяснение своей знаменитой экономической таблицы «tableau économique» (курсив мой — *А. В.*).

В разных местах своих трудов глава физиократов говорит о «richesse annuelle», о «produit net» (годовое богатство, чистый продукт), об объеме годового готового продукта как характеристике богатства страны, и во всех этих выражениях богатства явно присутствует элемент времени, динамический аспект.

В то время как для XVII и первой половины XVIII столетия было характерно представление о народном богатстве как совокупности предметов в данный момент, для второй половины XVIII и XIX столетия превалирует концепция его как потока или периодического поступления [2].

---

[1] Вспомним резкие возражения Франсуа Кенэ, направленные против «хваленой выгоды денежного баланса». Этому вопросу, как известно, посвящен весь первый диалог о торговле. (Есть русский перевод в сборнике выбранных мест Фр. Кенэ. Изд-во К. Солдатенкова, М., 1896.)

[2] Некоторые буржуазные экономисты, связывая смену содержания понятия народного богатства с ростом экономического уровня страны, ошибочно пытаются объяснить ее с позиций субъективизма: чем примитивнее народное хозяйство и беднее страна, тем более склонно будто бы население принимать во внимание прежде всего то, что оно имеет в данный момент, а не то, что оно получает в течение некоторого времени (см. E. Cannan, Wealth, London, 1914).

Однако у Кенэ имеется неясность и непоследовательность в этом вопросе.

Подсчитывая объем всех богатств страны в своем гипотетическом примере, Кенэ включает в него наряду с годовой продукцией стоимость земли (капитализируя чистый доход из 30%), основной капитал промышленных заведений, обзаведение и домашний инвентарь, стоимость судов, металлические деньги — словом, все материальное имущество, движимое и недвижимое, составляющее собственность всех классов населения.

Таким образом, у Кенэ смешано вместе понимание богатства страны как потока с прежним пониманием как совокупности предметов в определенный момент.

Адам Смит под богатством понимал *поток* продуктов, ежегодно воспроизводимых трудом общества. Годовое производство земли и труда, годовой доход, чистый доход всех жителей — во всех его характеристиках богатства страны привходит элемент времени.

Рассматривая доктрину меркантилистов, он решительно высказывается против представления последних о богатстве нации как совокупности непотребляемых денежных богатств, становясь в этом вопросе на сторону физиократов.

Таким образом, к началу XIX столетия в экономической литературе термин «богатство страны, народа» является синонимом расплывчатого и неотграниченного понятия «благосостояние», «благополучие». Во-вторых, вырисовываются два представления о народном богатстве: либо народное богатство рассматривается как некоторый фонд (found), имеющийся в распоряжении страны на определенную дату, — некий инвентарь предметов или, в более широком смысле, благ; либо он понимается как периодическое поступление — некоторый поток (flow) продуктов, поступающих или осваиваемых страною в течение определенного отрезка времени (обычно года), причем вторая концепция начинает преобладать [1]. Эти два направления экономической мысли корреспондируют двум видам указанных выше практических интересов. Однако ясности и четкости в статистическом решении вопроса мы еще не видим.

Если взять работы первой половины XIX столетия, например, два наиболее ранних исследования о Пруссии (Круга и Дитеричи), относящиеся соответственно к 1805 и 1846 гг., или работу Шмидлина для Вюртемберга 1841 г., то во всех этих работах не проводится систематическое отделение народного имущества от народного дохода [2].

---

[1] Английская экономическая литература ввела для этих различных концепций два сходных термина: «богатство-капитал» («capital-wealth») и «богатство-доход» («income-wealth»).

[2] K. Dieterici, Der Volkswohlstand im preussischen Staate von 1846; Schmidlin, Das Königreich Württemberg 1841. Работа Круга (L. Krug) подробно изложена в статье: H. Losch, Lebendes u. totes Volksvermögen, «Allgemeines Statist. Archiv», Bd. 8, 1914, по которой мы и ознакомились с ее содержанием.

Благосостояние нации (Wohlstand einer Nation) Круг видит в тех средствах и силах, которые имеет каждый отдельный гражданин для обеспечения себе достаточного и спокойного содержания. В качестве показателя благосостояния Круг исчисляет совокупный годовой доход, который представляет, во-первых, стоимость непосредственно произведенных потребительских товаров плюс стоимость таких же товаров, выработанных промышленностью и ввезенных — в обмен на экспорт — из-за границы. Этот, как он его называет, «настоящий» доход («das echte») противопоставляется автором обращающемуся доходу («Zirkulations-Einkommen»), производному доходу чиновников и т. д. Количественное соотношение этих двух видов дохода является, по мнению Круга, мерилом богатства народа (Reichtum eines Volkes).

Наряду с доходом Круг вычисляет весь «мертвый национальный капитал» («totes Nationalkapital»), в который он включает наличный запас благородных металлов, постройки, рабочий и продуктивный скот, инвентарь в размере половины стоимости построек.

Для характеристики благосостояния отдельных классов населения Круг приводит весьма разнообразные показатели: здесь и цены имений различных категорий для «производительного класса», и страховые суммы огневого страхования в городах в качестве показателя богатства «промышленного класса» (т. е. предпринимателей — *А. В.*); наконец, за неимением годового дохода городского населения он берет заработную плату фабричных рабочих.

Автор второй работы, Дитеричи, хочет определить степень и изменения с 1806 по 1846 г. благосостояния Пруссии. Для этого он прежде всего приводит среднее потребление по отдельным товарам в натуре и в денежном выражении, затем совокупный доход, состоящий из четырех сумм: потребления, продукции промышленности, горного дела и внешней торговли (разность между ввозом и вывозом).

Вместе с этим Дитеричи в качестве характеристики благосостояния страны приводит данные о стоимости некоторых отдельных объектов имущества (число и страховые суммы построек, капиталовложения в шоссейные и железные дороги), а также динамику населения, цен и численности ремесленников, т. е. строит, в переводе на современный статистический язык, нечто вроде таблицы основных показателей.

Равным образом и несколько более ранняя работа Шмидлина для Вюртемберга носит по существу тот же характер соединения разнообразных элементов: имущества, продукции народного дохода вплоть до нематериальных элементов.

Таким образом, приводимые вышеперечисленными авторами показатели представляют собой конгломерат разнообразных цифр: здесь и компоненты народного дохода, и стоимость отдельных имущественных объектов, и демографические показатели: динамические элементы приводятся вместе со статическими, а границы народного богатства, имущества и благосостояния по-прежнему неопределенны; эти термины употребляются как синонимы. Представления

о сущности исчисляемых показателей и об их отношении друг к другу все еще не ясны.

Во второй половине XIX столетия статистические исчисления синтетических народнохозяйственных категорий становятся более многочисленными.

Наиболее ранние работы, в том числе и изложенные выше по Пруссии, наполнены сплошными жалобами на совершенное отсутствие статистических материалов, — обстоятельство, также оказавшее свое отрицательное влияние на количество, качество и определенность работ в первой половине столетия. Расширение и улучшение статистического учета во всех странах сделали возможным углубление таких работ, повысили их качество. В 1864 и 1868 гг. опубликованы работы Бэкстера для Англии, в 1879 г. — работа Зетбеера для Пруссии, относящаяся к 1872—1878 гг. [1], а затем статистические исчисления синтетических показателей стали появляться, как грибы после дождя.

Отметим, что в этот период исчислению и проблеме народного богатства уделяют относительно меньше внимания, нежели исчислению народного дохода и других разновидностей этой народнохозяйственной категории. Тем не менее некоторые выдающиеся статистики занимаются исчислением народного богатства. Фелльнер в своем докладе Международному статистическому институту (МСИ) в 1902 г. перечислил 20 известных статистиков разных стран, занимавшихся исчислением народного богатства с 1863 по 1900 г. и давших 22 оценки (на 22 даты). Кроме того, он назвал еще 20 статистиков, занимавшихся этой проблемой во второй половине XIX столетия, причем считал этот список далеко не исчерпывающим [2]. Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что теоретический уровень большинства этих работ оставался по-прежнему низким. Теоретико-методологическая разработка проблемы значительно отставала от увеличения числа производимых статистических исчислений.

С 1853 г. на международных статистических конгрессах неоднократно обсуждаются доклады о статистическом исчислении различных обобщающих народнохозяйственных категорий и о теоретико-методологических проблемах, связанных с такими исчислениями. В 1853 г. в Брюсселе обсуждается вопрос об исчислении национального дохода, и Ван Столк (Van Stolk) предлагает вместо национального дохода исчислять сумму расходов населения, что должно дать близкие результаты. В 1869 г. на Международном статистическом конгрессе в Гааге ставится в порядок дня вопрос о статистике народного дохода (Bruyn-Kops — один из редакторов программы, Baumhauer — докладчик). В 1874 г. Киер (A. Kiaer) представил постоянной статистической комиссии Международного конгресса

[1] Dudley Baxter, The Annual Accumulations of Capital in the United Kingdom, «Economist», Dec. 1863, затем в «Journal of the Roy. Stat. Soc.», vol. XXVII, pt. I, 1864, и The National Income, 1868; A. Soetbeer, Umfang u. Verteilung d. Volkseinkommens im Preussischen Staate 1872—1878, 1879.

[2] Fr. Fellner, op. cit., p. 99.

свой известный доклад о статистическом исчислении народного дохода, в котором достаточно углубленно были поставлены и разобраны основные теоретико-методологические проблемы, связанные с этой статистической операцией. В 1878 г. обсуждается доклад Ваше (Vacher) об определении частного и общественного богатства Франции. Наконец, в 1887 г. на I сессии МСИ в Риме слушается доклад Энгеля о статистическом изучении потребления страны; там же были поставлены вопросы и о других синтетических категориях — народном богатстве, народном доходе, измеряющих благосостояние нации. Все это свидетельствует, что указанные проблемы становятся настолько актуальными, а исследования в этой области — настолько многочисленными, что встал на очередь вопрос о международной координации работ, о единой статистической методологии для достижения международной сравнимости результатов.

Совместная работа экономической и статистической мысли в течение ряда десятилетий привела к некоторому сдвигу в теоретико-методологическом освещении обобщающих статистических категорий: намечается прежде всего дифференциация понятий, несколько проясняется их природа и познавательная ценность, и в связи с этим уточняются и углубляются методы их исчисления. Понятие и исчисление народного богатства решительно отделяются от понятия и исчисления народного дохода, и оба понятия отпочковываются от понятия благосостояния и благополучия страны. Буржуазные авторы приходят к выводу, что расплывчатое понятие благополучия — немецкое «Wohlstand», «Wohlergehen» — не является категорией, могущей быть объектом статистического исчисления [1].

Правда, и в позднейшей статистико-экономической литературе даже XX столетия иногда можно встретиться с отзвуками прежней мешанины, с отождествлением народного богатства с всеобъемлющим и неопределенным понятием благополучия страны, но такие авторы уже немногочисленны. Из двух представлений о народном богатстве, которые ранее сложились в экономической литературе, за народным богатством к началу XX столетия твердо закрепляется представление о совокупности некоторых имущественных объектов, фондов хозяйственных ценностей, находящихся в данной стране на определенную дату, а не представление о потоке благ, который связывают с понятием народного дохода [2]. Понятие богатства отож-

[1] Оно является чисто физической величиной, которая, меняясь от блага к благу, от человека к человеку, от десятилетия к десятилетию, не может быть приведена в какой-либо общей мере (W. E g g e n s c h w y l e r, Sind Volksvermögen messbar? «Jahrb. f. Nationalökonomie u. Statistik», Bd. 104, S. 499 u. f.).

[2] Нужно заметить, что полностью это смешение не ликвидировано до последнего времени. Так, работа индийских авторов (S h a h K. T. and K h a m b a t a K. J., Wealth and taxable capacity of India, Bombey and London, 1924) исследует вопрос о народном доходе, а не о народном богатстве, как можно было бы думать по ее заголовку. Американский экономист М. Копелянд в своем введении к 12-му тому «Studies in Income and Wealth», посвященному исключительно народному богатству, жалуется, что неосторожные авторы часто употребляют слово богатство («Wealth»), когда речь идет о доходе (Morris C o p e l a n d, Introduction. Thirteen papers on national wealth, 1950).

дествляется с понятием имущества, немецкое «Volksreichtum» становится синонимом «Volksvermögen», так же как французское «richesse» отождествляется с «fortune», «patrimoine». Поэтому некоторые авторы приходят к выводу о ненужности одного из них при существовании другого [1]. При этом оба понятия —народное богатство и народный доход — рассматриваются как показатели благосостояния, благополучия страны, но именно как показатели, а не как тождественные им категории. Одновременно теоретическая мысль начинает признавать именно за потоком ценностей, за народным доходом решающее значение для характеристики благосостояния нации, а имущественные фонды, накопленные материальные ценности рассматривать лишь как средство для получения и роста этого потока и только с этой точки зрения причислять их к показателям благосостояния.

Поэтому в первую четверть XX столетия теоретико-методологическая разработка основных вопросов, связанных с категорией народного богатства, мало продвинулась вперед по сравнению с уровнем, на котором она была к началу этого столетия, несмотря на обилие опубликованных эмпирических и теоретических работ [2]. Как показывает дискуссия 1925 г. на специальной конференции германского Общества социальной политики, посвященной проблемам народного дохода и народного богатства [3], все, чем располагала в то время теоретическая мысль в вопросе о народном богатстве, в основном было сформулировано еще в последней четверти XIX столетия.

Разграничение и раздельное статистическое исчисление отдельных обобщающих народнохозяйственных категорий, конечно, было необходимым этапом в развитии методологии статистического изучения народного хозяйства в целом. За этим разграничением, анализом и исчислением отдельных показателей должен был бы последовать второй этап — синтез всех этих категорий для получения общей картины состояния, а затем и развития народного хозяйства. Лишь цифровая картина совокупного процесса воспроизводства распределения, потребления и накопления могла бы дать характеристику экономического положения и уровня благосостояния страны, которые многочисленные статистики на протяжении двухсотлетия тщетно пытались уловить и количественно выразить. Но это озна-

---

[1] Например, Вейерман считает, что слово богатство — немецкое «Reichtum» и французское «richesse» — нужно совсем исключить из круга экономических понятий (W e y e r m a n n, Versuche der statistischen Erfassung d. Volksvermögens, «Z. f. schweiz. Statistik», Bern, 1915, S. 54).

[2] В библиографии, приложенной к фундаментальной сводной работе Джини о народном богатстве (Corrado G i n i, L'ammontare e la composizione della ricchezza delle nazioni, Torino, 1914), приводится до 250 работ (кроме официальных материалов), вышедших до 1914 г. и относящихся прямо или косвенно к проблеме народного богатства. С 1914 г. число специальных статистических работ по народному богатству увеличилось очень значительно.

[3] См. сб. «Beiträge zur Wirtschaftstheorie», hgb. v. Karl Diehl, I Teil: Volkseinkommen und Volksvermögen, München u. Leipzig, 1926.

чало бы построить баланс всего народного хозяйства страны, что было не под силу буржуазным исследователям ввиду недостатка необходимых статистических материалов, а главным образом вследствие отсутствия правильных теоретических представлений о всем процессе воспроизводства.

Поэтому до середины 30-х годов вопрос о построении баланса народного хозяйства в целом и не ставился зарубежными статистиками. Буржуазные авторы, говоря ранее о народнохозяйственном балансе, обычно понимали под этим расчетный или платежный баланс [1]. Только у некоторых, более вдумчивых зарубежных исследователей (Боули, Фрайдэй) мы можем найти некоторые фрагменты народнохозяйственного баланса, но именно только фрагменты, представляющие собой не движение и воспроизводство всего общественного продукта, а лишь суммарное распределение народного дохода по компонентам потребления и накопления [2].

Даже в США — стране, наиболее богатой из капиталистических стран статистическими материалами, — цифровые данные для составления ежегодного народнохозяйственного баланса долго отсутствовали. В 20-х годах крупнейшее научно-исследовательское экономическое учреждение в США — Национальное бюро экономических исследований — начало регулярно исчислять народный доход страны, ибо этот показатель, как указано выше, интересовал экономистов и политиков в первую очередь.

С исчислением народного дохода связан и другой цикл статистических исследований, возникших первоначально также в Национальном бюро экономических исследований, исследований структуры всей валовой продукции народного хозяйства США. Основная идея этих исследований заключается в построении таблиц, характеризующих, с одной стороны, поступление в народное хозяйство продукции от отдельных отраслей, а с другой стороны, распределение поступления от каждой отрасли для целей производства и потребления в других отраслях, в индивидуальном хозяйстве и для накопления. Автором таких аналитических развернутых таблиц поступления и выпуска продукции (input-output analysis) явился в 30-х годах В. Леонтьев, опубликовавший свои балансовые расчеты для 1919, 1929 и 1939 гг. [3]. Его исследования, на которые оказали

---

[1] Ср. P. H e r m b e r g, Volkswirtschaftliche Bilanzen, Leipzig, 1927. Автор совсем не касается вопроса о балансе народного хозяйства, несмотря на многообещающее заглавие своей работы.

[2] Например: A. B o w l e y, The Division of the product of industry, Oxford, 1921; A. B o w l e y and J. S t a m p, The national income 1924, Oxford, 1927; D. F r i d a y, Profits, wages and prices, N. Y., 1921.

[3] W. W. L e o n t i e f, The structure of American Economy 1919—1939, N. Y., 1951. В первом издании этой книги, вышедшей в 1941 г., приводятся расчеты только для 1919 и 1929 гг. См. также 18-й том «Studies in Income and Wealth», Input-output analysis: An Appraisal by the Conference on Research in Income and Wealth. A report of the National bureau of economic research, N. Y., Princeton University Press, 1955.

влияние балансовые работы в СССР, породили многих последователей этого метода как в США, так и в других странах.

Несомненно, что перечисленные работы могли представить собой часть баланса народного хозяйства; однако проблеме народного богатства в них нет места: материалов для статистического оформления этой категории еще недостаточно.

В середине 30-х годов в США создается специальная научно-исследовательская организация по исследованию проблем дохода и богатства, очень тесно связанная с Национальным бюро экономических исследований. Эта организация дала начало и Международному обществу для изучения указанных проблем [1]. Она публикует свои работы и доклады на созываемых ею конференциях в специальном собрании своих трудов [2]. На конференции в 1938 г. видный американский статистик и один из руководителей Национального бюро экономических исследований С. Кузнец высказался, как будто первый в США, за необходимость построения балансовой таблицы народного хозяйства (national balance sheet). Вслед за ним ряд других американских исследователей приходят, хотя и с большим опозданием по сравнению с советскими, к заключению, что без такой таблицы «эмпирическое представление о народном хозяйстве может быть искажено» («lopsided»). Но, по мнению Копелянда, только к 1946 г. настолько увеличился объем основных статистических данных в США, что создались благоприятные условия для конструирования полной таблицы с двойным входом. Вместе с тем можно было поставить на очередь и вопрос об исчислении народного богатства, которое теперь оказывалось возможным сопоставлять с основными цифрами народного дохода и продукции [3].

В ноябре 1946 г. на конференции, специально посвященной проблеме народного богатства, Мартин Гэйнсбрук в своем докладе от-

---

[1] Это общество (International Association for Research in Income and Wealth), аналогично МСИ, устраивает каждые два года сессии статистиков и экономистов разных стран, работающих в области народного дохода, народного богатства, баланса народного хозяйства и смежных проблем. В работах сессий этого общества принимают участие до 130 представителей 40 различных стран. Последняя, IV сессия происходила в 1957 г. в Нидерландах. Доклады сессий публикуются в сборниках общества, выходящих под общим заголовком: «Income and Wealth». До 1957 г. включительно вышли в свет 5 томов-серий этого издания. Подробнее об этом обществе см. нашу статью в справочнике Института мировой экономии и международных отношений АН СССР «Международные экономические организации», М., 1960.

[2] «Studies in Income and Wealth». Первый том в этой серии, посвященный национальному доходу, был опубликован в 1937 г. До 1957 г. включительно в этой серии вышло 20 томов, из которых т. 2 (1938 г.), т. 12 (1950 г.) и т. 14 (1951 г.) посвящены проблемам измерения и исчисления народного богатства и его элементов в США и в других странах (всего 26 докладов).

Доклад С. Кузнеца (S. Kusnets, On the measurement of National Wealth), о котором упоминается в тексте, опубликован во втором томе указанных трудов: «Six papers on wealth measurement, price changes, savings, capital gains and government product», vol. 2, 1938.

[3] См. цит. введение этого автора к 12-му тому работ из серии «Studies in Income and Wealth», 1950 (Morris A. Copeland, Introduction).

стаивает необходимость построения сводной балансовой таблицы и набрасывает программу требований к статистическим организациям, учреждениям, секторам Бюро о необходимых для этого статистических данных. В 1951 г. Гольдсмит в этой же серии исследований о доходе и богатстве опубликовал динамику народного богатства США с 1896 по 1948 г. по четырехлетиям и, кроме того, на 1922, 1929, 1939 и 1946 гг. в разрезе отдельных видов имущества в текущих ценах и неизменных ценах 1929 г., являющуюся частью его работы над балансовыми таблицами. В другой своей большой работе Гольдсмит привел суммарное исчисление воспроизводимого материального богатства США по десятилетиям с 1805 по 1950 г., т. е. за 150 лет [1]. Наконец, тот же автор построил и опубликовал в 1953 г. одну из сводных таблиц народнохозяйственного баланса США за 1949 г., в которой нашло себе место народное богатство за 1949 г. В ней он приводит данные о составе народного богатства в разрезе отдельных видов имущества — материального, нематериального, долгов и обязательств — в комбинации с социальным разрезом — по группам владельцев [2].

Этот цикл работ Национального бюро экономических исследований США также вызвал ряд последователей: в разных странах были произведены исчисления синтетических показателей за длительные строки, в первую очередь народного дохода, а затем и народного богатства. Вместе с этим в ряде стран были поставлены работы по построению модели народного хозяйства, исчислению народнохозяйственного баланса или, как его часто называют зарубежные статистики, национального экономического бюджета или социального баланса (National Accounts, Social Accounts). Методология и результаты этих работ (для Соединенного Королевства, Германии, Дании, Нидерландов, Японии и др.) были доложены на сессиях и опубликованы в трудах указанного Международного общества (ассоциации) по изучению дохода и богатства.

3. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ НАРОДНОГО БОГАТСТВА В БУРЖУАЗНОЙ СТАТИСТИКЕ

Таким образом, нашему рассмотрению подлежит отчетливо сформировавшаяся в работах буржуазных статистиков категория народного богатства и народного имущества как совокупность некоторых объектов, элементов, предметов, имеющихся в стране на опре-

---

[1] Доклад: Martin R. Gainsbrugh, The Need for National Wealth Estimates — не был опубликован. Представление о нем можно получить из упомянутого введения Копелянда.

Первая из указанных работ Гольдсмита (Raymond W. Goldsmith, A Perpetual Inventory of National Wealth) с изложением методологии, источников и результатов исчисления опубликована в 14-м томе «Studies in Income and Wealth»: Seven papers on Wealth, N. Y., 1951. Вторая работа (The Growth of Reproducible Wealth of the United States of America from 1805 to 1950) опубликована во второй серии «Income and Wealth», Cambridge, Bowes and Bowes, 1952.

[2] R. W. Goldsmith, The National Balance Sheet of the United States of America 1900—1949, «Income and Wealth», Ser. IV, 1955.

деленную дату. Какие элементы, объекты или группы объектов и каким образом должны объединяться в результативную величину, каковы цели и познавательное значение этой категории — все эти вопросы рассматриваются, дискутируются в статистических исследованиях или раскрываются в эмпирических исчислениях.

Прежде чем приступить к намечению положительных концепций, необходимо остановиться на одной четкой негативной позиции, вообще отрицающей категорию народного богатства и народного имущества, ее познавательную ценность и необходимость ее исчисления. Эта негативная позиция защищается видными буржуазными экономистами, к которым принадлежат из старого поколения Герман, Шторх, из экономистов XX столетия — Амон, Лифман и ряд прочих, менее крупных (Хермберг, Готтль-Оттлилиенфельд и др.).

Ненужность категории народного богатства мотивируется этой группой авторов не тем, что она повторяет категорию «народное имущество», как то думает Вейерман (см. предыдущий раздел); не тем, что наиболее важное понимание народного богатства не поддается цифровому измерению (Диль) или что народное богатство не может быть измерено со сколько-нибудь удовлетворительной точностью, а поэтому должно быть заменено другой категорией, более доступной статистическому исчислению, например потреблением, как то предлагал известный статистик Энгель в своем докладе МСИ[1], и, наконец, не тем, что народное имущество не может быть оценено, как полагают Кольм, Роговский, ибо единственный, по их мнению, метод оценки по доходообразующей стоимости («Ertragswert») неприменим к нему либо полностью, либо в какой-то части [2].

Указанная группа отстаивает никчемность категории народного богатства по принципиальным соображениям.

Основная аргументация представителей этой точки зрения сводится к тому, что народное богатство — понятие фиктивное, что совокупность нации не представляет собой хозяйствующего юридического лица (Герман), что «народное богатство и народный доход суть фикции — суммирование, за которым в действительности ничего не стоит» (Готтль-Оттлилиенфельд) [3].

Богатство — понятие чисто индивидуального хозяйства, утверждает Лифман. «О богатстве, как и о других важных хозяйственных понятиях, можно говорить только в индивидуальном смысле, и

---

[1] E. E n g e l, La consommation comme mesure du bien-être des individus, des familles et des nations, «Bulletin de l'Institut International de Statistique», t. II, 1-re Livr., 1887.

[2] G. C o l m, Grundsätzliche Bemerkungen zum Begriff d. Volkseinkommens u. Volksvermögens — в упом. сб. под ред. Диля; R o g o w s k i, Das deutsche Volkseinkommen, Berlin, 1926, Кар. I.

[3] См. «Diskussionsprotokoll» в упом. сб. «Beiträge zur Wirtschaftstheorie», hgb. v. K. Diehl, «Volkseinkommen u. Volksvermögen», München u. Leipzig, 1926, S. 143.

фраза, что один народ богаче другого, означает только, что его граждане в среднем имеют бо́льшее имущество и доход...» [1]

Лифману вторит Хермберг: «Народное имущество немыслимо без владельца имущества. Поэтому народного имущества в собственном смысле вообще не может быть, поскольку не существует народного хозяйства как хозяйственного единства» [2].

Тот же лейтмотив встречаем мы у Аммона. «Народное имущество» и «народный доход» являются, по его мнению, лишь наглядно поясняющими понятиями («Veranschaulichende Begriffe»), только совокупностями, а не единством или цельностью, так как не существует никакой единой народнохозяйственной силы распоряжения. «Поэтому эти понятия (с его точки зрения — *А.В.*) не имеют никакой теоретической познавательной ценности. Народное хозяйство само есть только поясняющее понятие и, как таковое, не имеет никакого дохода» [3].

Изложенные высказывания, количество которых можно было бы значительно умножить, по существу представляют собою обывательские взгляды буржуа, выраженные «ученым» стилем. Для обывателя существует, конечно, только отдельное хозяйство, только оно реально. За отдельными фактами и явлениями хозяйственной деятельности он не видит общих закономерностей хозяйственного процесса, никаких народнохозяйственных категорий он не может постичь, и они ему не нужны. Идя этим путем, историческая школа в лице Шмоллера и других сводит задачу политической экономии не к изучению закономерностей, а к описанию конкретного процесса хозяйственной жизни. Идя этим путем, ренегат П. Б. Струве вообще выбрасывает категорию стоимости из политической экономии, признавая реальностями только цены, и строит статистическое понятие цены-ценности как результат «отверждения» рыночных цен.

Нетрудно увидеть за туманом вышеприведенных, довольно однообразно формулированных аргументов ясную классовую подоплеку: выдвижение на первый план единичного хозяйства означает апологетику этой первичной хозяйственной ячейки, а вместе с тем и апологетику капиталистического строя, который зиждется на этом отдельном хозяйстве [4].

Между тем общество и народное хозяйство существуют, несмотря на все внутренние противоречия, существует и процесс народнохозяйственного производства, кругооборот общественного капитала

---

[1] Robert L i e f m a n n, Vom Reichtum der Nationen. Karlsruhe, 1925, SS. 22—23.

[2] P. H e r m b e r g, Volkswirtschaftliche Bilanzen, Leipzig, 1927, S. 16.

[3] Alfred A m o n n, Die Begriffe «Volkseinkommen» und «Volksvermögen» und ihre Bedeutung f. die Volkswirtschaftslehre — в упом. сб. «Beiträge zur Wirtschaftstheorie», SS. 23, 25, 26.

[4] Это вполне естественно, поскольку в группу перечисленных авторов входит Р. Лифман, которого В. И. Ленин резко критиковал и метко окрестил как «беспардонного защитника капитализма» (Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. XIX, стр. 92, 95 и др.).

и все закономерности капиталистического хозяйства, происходящие за спинами отдельных предпринимателей, но вскрытые К. Марксом на основе анализа общества в целом. Народное имущество или богатство, народный доход — такие же статистические категории, как продукция страны, ее торговый и расчетный баланс, как средняя цена или средняя норма прибыли, в познавательном значении которых, в необходимости их исчислять, наблюдать и изучать буржуазные исследователи не сомневаются. Поэтому некоторые авторы, отрицая реальность категории народного богатства, все же считают полезным исчислять его, хотя бы для весьма ограниченных практических целей (Диль, Кольм).

Если рассмотренная выше группа экономистов, исходя из отдельного хозяйства, отрицала реальность и необходимость статистической категории народного богатства, то другая группа исследователей-статистиков, исходя по сути дела из атомистического, сингуляристического представления о народном хозяйстве, приходит к статистическому пониманию народного богатства или имущества как *суммы имуществ частных хозяйств*. В народное богатство попадает, таким образом, *все и только то*, что составляет имущество отдельных лиц и частных предприятий, и в той сумме, в какой оно представляет рыночную ценность, независимо от того, входят ли в него материальные объекты или только права на них: земля, лес, постройки и прочая недвижимость, оборудование, инвентарь, потребительское имущество, деньги, векселя, акции, облигации и прочие ценные бумаги.

«Под народным имуществом понимаем мы сумму отдельных имуществ, исчисленных по ценам настоящего времени», так определял искомую категорию столетие назад Рюмелин — один из крупнейших статистиков своего времени — в своей работе о народном имуществе и народном доходе королевства Вюртемберг [1].

Имущество казны, органов местного самоуправления, церквей, монастырей и прочих религиозных учреждений, общественных организаций (благотворительных, спортивных, научных и т. д.), сооружения публичного пользования — дороги, каналы, сады, набережные и т. д. — все эти объекты сторонниками этой концепции в народное богатство не включаются, ибо они не имеют и не могут иметь рыночной стоимости («Tauschwert») [2].

Поэтому Рюмелин, определив общую стоимость всех материальных объектов Вюртемберга прямым подсчетом, затем исключает из полученной суммы стоимость имущества государства, общин и т. п. и приходит к народному имуществу в его понимании, т. е. к сумме частных имуществ.

---

[1] R ü m e l i n, Beiträge zur Ermittelung des «Volksvermögens und Volkseinkommens, «Das Königreich Württemberg 1863», hgb. v. dem K. Statistisch-topographischen Bureau, Stuttgart.

[2] Ср. аргументацию у Вагнера: Ad. W a g n e r, Zur Methodik der Statistik d. Volkseinkommens u. Volksvermögens. Separatabdruck (доклад на сессии МСИ в 1903 г., стр. 45—46).

Так же поступают французские статистики. Через полстолетия после Рюмелина Пюпен, исчисляя народное богатство Франции перед первой мировой войной прямым путем, исключает собственность государства, департаментов, коммун из тех статей имущества, куда они по техническим условиям подсчета вошли, и получает таким образом сумму частного имущества [1].

Познавательные цели счетной категории «частных имуществ» весьма ограничены и лежат в области фискальных интересов: в народное богатство включается все то, что обычно подлежит обложению налогом в капиталистической стране. Поэтому имущество берется не брутто, а нетто, т. е. за вычетом долгов, лежащих на нем. Авторы исчислений народного богатства Франции (Лавернь и Генри, Пюпен) прямо мотивируют невключение в свое исчисление общественного имущества тем, что целью исчисления является изучение податных возможностей страны, а база для обложения — только частное имущество [2]. Собственно говоря, все исчисления народного богатства (имущества) Франции, сделанные на основе налога на наследства и на передачу имущества (Ваше, де Фовилль и др.), представляют собой сумму частных имуществ.

Другая концепция, приводящая также к исчислениям суммы частных имуществ и к близким по цифровым итогам результатам, исходит из другого теоретического положения: богатство — это то, что приносит обычно доход. Таким образом, сторонников этой концепции интересует не совокупность имеющихся в распоряжении отдельных лиц определенных объектов, а их доходообразующая сила (earning power), и отдельные объекты должны включаться в народное богатство только в той мере, в какой они могут приносить доход владельцу.

Так как доход получается от частнохозяйственного имущества, то очевидно, что эта теоретическая установка приводит также к исчислению по сути дела суммы частных имуществ, но с некоторыми различиями. Поскольку потребительское имущество не приносит дохода и, следовательно, не имеет доходообразующей стоимости (Ertragswert), постольку оно не должно включаться в состав народного богатства (народного имущества). На такой точке зрения стоит, например, Роговский [3]. С другой стороны, если общественное имущество в отдельных немногих случаях эксплуатируется на частнохозяйственных основаниях, то нет принципиальных возражений, с точки зрения этих авторов, против включения таких объектов в состав народного имущества.

Основное значение народного богатства и при такой установке лежит все же в сфере фискальных интересов. Только в то время как сумма частных имуществ в первом случае представляет собой базу

---

[1] René Pupin, La richesse de la France devant la guerre, Paris, 1916.
[2] A. de Lavergne et Paul Henry, La richesse de la France, Paris, 1908, введение; R. Pupin, op. cit., pp. 5—6.
[3] E. Rógowski, Das deutsche Volkseinkommen, Berlin, 1926, SS. 3—4.

для поимущественного налога в чистом виде, построение суммы частных имуществ в разрезе их доходообразующей силы может дать материал для реального — суррогата подоходного — обложения.

Обе концепции, несмотря на внешнее между ними различие, по существу тождественны, ибо в капиталистическом обществе рыночную цену имеет только то, что может приносить доход, и, обратно, рыночная или продажная цена объекта определяется приносимым им доходом.

Что касается самой исчисляемой суммы частных имуществ, то нетрудно видеть, что в обоих случаях исчисляемая величина неадекватна сумме материальных ценностей, имеющихся в распоряжении данной страны, ибо, с одной стороны, сюда не включается довольно значительное по величине материальное имущество публично-правовых учреждений, различных организаций, а также потребительское имущество, а, с другой стороны, включается собственность, которая представляет ценность только с частнохозяйственной точки зрения: бумажные деньги в активе предприятий и в кассах частных лиц, векселя и обязательства, ценные бумаги и т. п.

Эту разницу частнохозяйственной и народнохозяйственной точки зрения на богатство хорошо выяснил еще Д. С. Милль на примере долговой записи в 1000 фунтов, данных под залог поместья, и на примере облигации государственного займа. Долговая запись и облигация составляют богатство для того человека, которому они приносят проценты, но не богатство для нации. Уничтожение которой-либо из них было бы вовсе не уничтожением богатства, а лишь передвижением последнего от одного лица к другому [1]. Поэтому с точки зрения народнохозяйственного целого фиктивный бумажный капитал не должен входить в категорию народного богатства или имущества.

Впрочем, включение или невключение в народное богатство векселей и долговых обязательств частных лиц и учреждений, имеющихся в активе частных хозяйств, само по себе не может повлиять на результат исчисления объема народного имущества при *одновременном вычете* долгов, лежащих на тех же частных имуществах.

Что касается бумажных денег, облигаций внутренних займов государства и общественных учреждений, то все эти статьи актива частного хозяйства не должны во всяком случае входить в состав народного богатства страны [2]. Включение акций, находящихся на

[1] Д. С. Милль, Основания политической экономии, СПб., 1909, введение, стр. 9—10.

[2] Э. Тэри, вычислявший для Франции (La fortune publique de la France) народное богатство реальным методом, аргументирует необходимость учесть в составе народного богатства государственные бумаги, фонды французских колоний, департаментов и городов Франции и т. п., ибо этому противостоит реальное имущество государства и коммун. Но тогда логичнее включить в состав народного богатства это реальное имущество непосредственно, а не ценные бумаги, представляющие последнее.

руках отдельных лиц, может повлечь иногда двойной счет, если акционерное предприятие учитывается отдельно в сумме частных имуществ как юридическое лицо.

Наличие международных кредитных связей вносит новое осложнение, ибо бумажные деньги, облигации займов, акции предприятий, находящиеся на руках у иностранных капиталистов, с одной стороны, а равно иностранные бумажные деньги и ценные бумаги всякого рода, находящиеся внутри страны в активе отдельных лиц и предприятий, должны быть, в соответствии с вышеизложенной точкой зрения, учтены при подсчете народного богатства страны: в первом случае в качестве вычитаемого, во втором — в качестве слагаемого, ибо эти величины означают перспективу выдачи или получения реальных материальных ценностей.

Наконец, сама оценка частного имущества включает такие нематериальные элементы, которые имеют ценность только с частнохозяйственной точки зрения: авторское право, патент, клиентелла, марка фирмы — то, что американцы называют «goodwill», особо благоприятное местоположение и условия предприятия и т. д.

Французский статистик де Фовилль, исчисляя вместо народного богатства Франции сумму частных имуществ, мотивировал это не принципиальными соображениями, а пытался доказать, что статистическое исчисление всего частного имущества должно дать тот же цифровой результат, как и исчисление стоимости суммы всех материальных ценностей в стране — частного и общественного сектора. Далее, при рассмотрении метода, предложенного де Фовиллем для исчисления народного богатства (гл. IV, разд. 2, annuité successorale), мы останавливаемся на этом положении и доказываем его неправомерность.

Сумма частных имуществ представляет собой счетную категорию, которая может оказаться и больше и меньше народного богатства (имущества), рассматриваемого как сумма материальных ценностей, находящихся в распоряжении всей страны в целом, причем нельзя заранее определить даже знака разницы, если не сделать соответствующего исчисления.

Вместе с тем и динамика суммы частных имуществ не может, вообще говоря, характеризовать динамику народного богатства страны, вопреки мнению Роговского по этому вопросу [1], ибо в периоды кризисов капиталистического хозяйства соотношение частного и прочего имущества несомненно иное, нежели в период подъема.

* * *

На другом полюсе по сравнению с только что изложенной концепцией стоят авторы, стремящиеся расширить понятие народного богатства до всеобъемлющей категории, которая должна охватить

[1] E. Rogowski, op. cit., pp. 4—5.

все элементы производительных сил, включая и природные условия страны.

Мангольдт (Mangoldt) считает, что составной частью национального богатства нужно считать и морские берега, атмосферические течения и т. д.

Диль выдвигает в качестве самого важного из возможных определений народного имущества понятие национальной производительной силы (Nationale Produktivkraft), под которой он понимает «совокупность производительных сил, находящихся в распоряжении страны и могущих быть хозяйственно использованными в течение длительного срока, — земли, леса, рудники и копи, водные источники и т. д.»[1]. Гессе (Hesse) к этому добавляет, что нужно учитывать не только реальные объекты, но и невесомые, например организацию кредита, значение которого определяется приблизительной оценкой или интуицией [2].

Однако Диль отказывается от исчисления своей категории в денежной сумме. Она, по его мнению, может быть выражена только в реальных благах [1]. Но тогда, добавим мы, статистику нечего делать с этой категорией, ибо она не может быть объектом статистического исчисления. Эта категория может явиться только предметом изучения экономической географии или другой подобной описательной дисциплины.

Наиболее полно и последовательно отмеченная широкая точка зрения проведена известным американским статистиком Кингом, перу которого принадлежит исчисление народного богатства и народного дохода США и который, кроме того, до 1940 г. принимал участие в исчислении этих категорий официальными статистическими органами США.

Кинг различает, во-первых, «частное богатство», которое включает индивидуальное имущество и имущество корпораций и юридических лиц, во-вторых, «публичное богатство» («public wealth»), которое охватывает имущество центрального правительства США, отдельных штатов, округов, городов и поселков, и, наконец, общественное или «социальное богатство» («social wealth»). «Социальное богатство» состоит из совокупности материальных благ, находящихся во владении определенной части общества в данный момент. Социальное богатство должно включать, по мнению автора, не только «экономические блага», т. е. материальные объекты, имеющие ценность, вследствие недостаточности их для покрытия всей потребности, но и так называемые свободные блага (free goods), под которыми он подразумевает дары природы и естественные ресурсы. В эту рубрику производительных природных ресурсов он включает землю, но не только поверхность ее (area), а также и почву, плодородие, местоположение, климат и топографию местности. Ею охва-

[1] K. D i e h l, Einleitende Bemerkungen zur Diskussion über die Begriffe Volksvermögen und Volkseinkommen, «Beiträge zur Wirtschaftstheorie», Bd. 1, München u. Leipzig, 1926, S. 10.

[2] См. тот же сборник, «Diskussionsprotokoll».

тываются также леса, запасы ископаемых, энергия воды и ветра, реки, моря и океаны [1].

Расширение понятия социального (народного) богатства до пределов, намеченных Кингом, нужно считать принципиально неправильным. При таком трактовании понятия и объема народного богатства смешиваются вместе сами элементы народного богатства с *условиями* для развития, увеличения, аккумуляции его. Свободные блага, природные ресурсы, благоприятные естественные факторы — все это *условия* для жизни общества, для применения труда, условия его производительности и условия получения продуктов, составляющих основу потребления современного общества, а не сами элементы народного богатства. Ведь отказывается же Кинг включить в состав национального богатства запасы накопленного знания, а также промышленную, коммерческую и административную организацию современного общества, справедливо рассматривая этот элемент не как составную часть богатства, а как условия, делающие возможным его накопление. В отношении же свободных даров природы он непоследователен.

Включение свободных благ в состав социального богатства вытекает у Кинга из его неверной установки, что богатство есть количество полезностей, могущих удовлетворять человеческие потребности. Оно должно, следовательно, измеряться в полезности, а не в ценности (in utility and not in value).

«Полезность вещи, — говорит К. Маркс, — делает ее потребительной стоимостью» [2]. Полезность зависит от качеств и технических свойств самой вещи. «Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения», — замечает далее К. Маркс. И в другом месте: «Потребительная стоимость в этом безразличии к экономическому определению формы, т. е. потребительная стоимость как потребительная стоимость, находится вне круга исследования политической экономии» [3].

Поэтому трактование Кингом богатства как суммы полезностей или, другими словами, как суммы потребительных стоимостей по существу отметает эту категорию из сферы экономики и в качестве объекта статистического исчисления.

Категория социального богатства у Кинга оказывается весьма близкой к благополучию страны (well-being, social welfare), а по-

---

[1] W. I. King, The wealth and income of the people of the United States, N. Y., McMillan and Co, 1923, p. 8 and foll.

В рубрике свободных даров природы у Кинга перечисляются также дикорастущие цветы, пение птиц на вершинах деревьев, живописность пейзажа, придаваемая горами и водопадами, солнечное сияние и т. п. Такие свободные дары он включает и в теоретически конструируемую им категорию реального (психического) дохода, который представляет сумму удовольствий, получаемых при потреблении этих и материальных благ в определенный период времени (там же, стр. 11, 107 и сл.).

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 42.

[3] К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 12.

следнее не поддается цифровому выражению. Кинг приходит в конце концов и сам к выводу о невозможности статистической реализации сконструированной им категории социального богатства и с сожалением отказывается и от учета абсолютной полезности и от учета свободных благ, но делает это лишь по той причине, что нет единицы для измерения полезности, и он не видит способов измерять и соизмерять свободные блага между собой и с «экономическими благами», т. е. имеющими денежную оценку.

Поэтому Кинг вместо социального богатства исчисляет — в качестве суррогата последнего — экономическое богатство США, куда он включает только «экономические блага», т. е. имеющие цену. Он защищает правомерность этой позиции тем, что в современном народном хозяйстве все бо́льшая часть социального богатства состоит из экономических благ. В дальнейшем он говорит только об экономическом и народном богатстве. Последнее Кингом нигде прямо не определяется, но, судя по контексту, оно является для него синонимом социального. По объему народное богатство, следовательно, тождественно с экономическим ввиду указанной невозможности учета и измерения свободных благ.

Мы нарочно подробно остановились на работе Кинга, ибо при рассмотрении его концепции вскрываются все узловые вопросы исчисления народного богатства, некоторые из которых в другой связи будут затронуты еще в дальнейшем изложении.

В эмпирической части своего исследования Кинг приходит к такой трактовке статистической категории народного богатства, которая выкристаллизовалась и стала общепринятой в исчислениях иностранных статистиков последних десятилетий. Именно под народным богатством страны большинство буржуазных статистиков понимает в настоящее время совокупность материальных объектов и элементов, имеющих ценность в капиталистическом хозяйстве. Только в отличие от Кинга они не считают эту категорию суррогатом другой — более широкой и целеустремленной.

Один из выдающихся современных буржуазных статистиков, итальянский ученый К. Джини (C. Gini) — автор многих работ по народному богатству — также считает, что дары природы и свободные блага — морские побережья, реки, красивые пейзажи, ясное небо, свежесть и чистота атмосферы на климатических станциях — также являются элементами народного богатства, ибо и этот автор исходит из критерия полезности благ и доставляемого ими удовольствия. Но в отличие от Кинга К. Джини не считает нужным оценивать отдельно эти блага, «изъятые из торгового оборота», ибо последние имеют, по его терминологии, только «рассеянную полезность» («une utilité diffuseé»), т. е. уже «уловленную» («carteé») другими элементами народного богатства, в оценку которых она входит как составная и неотделимая часть. К. Джини включает в эту рубрику благ, имеющих рассеянную полезность и, стало быть, не подлежащих отдельной оценке, даже некоторые материальные объекты — вооружение, крепости, броненосцы, дороги, порты

и прочие общественные сооружения, а также такие элементы, как промышленная и сельскохозяйственная организация страны, полезность армии, юстиции и полиции. И далее он приводит пример дома в Риме, покупная цена которого, по его мнению, учитывает наличие и юстиции, и полиции, и пожарной охраны, и общественных парков поблизости от него, и хорошего пейзажа, и солнечного света, и тепла зимой и т. д. [1].

Таким образом, неправильная в корне концепция Кинга, критически рассмотренная нами, возродилась через четверть века в еще более утрированной форме у К. Джини.

Приведем еще несколько определений народного богатства (имущества), дававшихся в различное время.

«Богатство (wealth) составляют все полезные и приятные вещи, имеющие меновую ценность; другими словами, все полезные и приятные вещи, кроме тех, которые могут быть в каком угодно количестве получены без труда или пожертвования» (Д. С. Милль).

«Народное имущество (Volksvermögen) есть сумма всей собственности (Eigentums), принадлежащей отдельным членам народа, частным лицам, общественным учреждениям и государству» (Шмидлин).

«Задачей оценки народного имущества является определение общей денежной стоимости всех хозяйственных благ, которые находятся к данному моменту в распоряжении какого-либо народа» (Шалл).

«Национальное богатство есть совокупность материальных ценностей и внешних помещений, которые находятся во владении народа и его членов и служат им средствами существования» (Фальбек).

«Национальное богатство есть совокупность всех благ и всех экономических ценностей, взятых как целое, которыми данный народ, составляющий государство, располагает на некоторую дату» (Фелльнер).

«Народное имущество представляет собой массу предметов, находящихся в руках населения определенной территории» (Роговский) [2].

Можно было бы привести еще десятки определений, которые в различной редакции, с некоторыми вариациями и нюансами повторяют одну и ту же мысль, составляющую основное содержание приведенных определений. Если отвлечься от некоторых оттенков и деталей, то большинство авторов под народным богатством понимает денежную оценку совокупности материальных объектов, на-

---

[1] C. Gini, Sur les fondements des évaluations de la richesse nationale, «Revue de l'Institut International de Statistique», 13-e Année, La Haye, 1945, Livr. 1—4.

[2] Д. С. Милль, Основания политической экономии, СПб., 1909, стр. 11; Schmidlin, Das Königreich Württemberg 1841; Schall, Volksvermögen und Volkseinkommen, «Das Königreich Württemberg», II, Stuttgart, 1884; Fahlbeck, La richesse nationale de la Suède, «Bul. de l'Inst. Int. de Stat.», t. VI, I-e Livr., 1892; Fr. Fellner, L'évaluation de la richesse nationale, «Bul. de l'Inst. Int. de Stat.», t. XIII, 2-e Livr.; Rogowski, op. cit.

ходящихся в распоряжении данной нации или на данной территории (различие этих двух аспектов будет подробно рассмотрено в следующей главе). Таким образом, народное богатство не есть только сумма частных имуществ, а включает также все объекты, находящиеся во владении государства, административных учреждений, местных органов и общественных организаций. Правда, некоторые авторы в отношении такой собственности иногда ограничивают народное имущество только теми элементами публично-правового имущества, которые приносят доход (например, Диль). Но подавляющее большинство современных статистиков не ставят никаких ограничений, а включают, по крайней мере принципиально, в народное богатство или в народное имущество все материальные объекты, имеющие денежную оценку, независимо от их владельца и получения от них дохода.

В качестве иллюстрации укажем на упомянутые выше публикации народного богатства США Национальным бюро экономических исследований. Р. Гольдсмит — видный статистик указанного бюро, о работах которого по динамике народного богатства мы говорили в предыдущем разделе, — включает в народное богатство все воспроизводимые материальные блага (reproducible tangible assets), а также недра, леса, сельскохозяйственные и прочие земли, при этом как имущество, находящееся в частнохозяйственном владении, так и публичное [1]. Потребительское имущество также входит одним из слагаемых, но только частично — в виде потребительских благ длительного пользования (consumer durables). В своих комментариях Р. Гольдсмит указывает, что, вообще говоря, имущество с обычным сроком службы менее 6 месяцев (в его первоначальной экономической функции) исключается, а иногда берется граница службы — 2 или 3 года. При этих условиях в народное богатство попадает только часть потребительского имущества (мебель, личный автомототранспорт и т. п.). Характерно при этом замечание автора о том, что «разделение физического имущества на то, которое нужно включить, и на подлежащее исключению из состава национального богатства, *есть вопрос только соглашения*» — «purely a matter of convenience» (курсив мой — *А. В.*) [2].

Подходя к критическому рассмотрению этой выкристаллизовавшейся категории, надо прежде всего отметить, что познавательные цели ее исчисления остаются все же неясными и буржуазными исследователями не раскрываются. В объем народного богатства включаются, с одной стороны, элементы, предназначенные для производства, с другой стороны, потребительское имущество и притом в неполном и в достаточной мере произвольном объеме. В него входят объекты, в которые вложен человеческий труд, и объекты,

---

[1] Здесь имеются в виду его упомянутые выше работы о методе непрерывной инвентаризации народного богатства в 14-м томе «Studies...» (1951 г.) и о национальной балансовой таблице США 1900—1949 гг. в IV серии собрания трудов «Income and Wealth».

[2] См. первую из указанных выше работ Р. Гольдсмита, стр. 11.

в которых такового нет, как-то: земля, недра, леса, но которые имеют рыночную цену в капиталистическом обществе вследствие существования частной собственности на средства производства.

Во-вторых, благодаря методу оценки элементов народного богатства по приносимой ими доходности или по рыночной стоимости, определяемой той же доходностью, в народное богатство могут попадать и часто попадают автоматически и элементы нематериального порядка, обусловливающие высоту дохода объекта и тем самым влияющие на его оценку: патент, марка, клиентура, репутация предприятия, фирмы (goodwill, по терминологии американцев) и т. д. [1].

Что касается «нерентирующих» объектов, т. е. не приносящих дохода, то их приходится оценивать по стоимости сооружения или производства за неимением рыночной цены (например, сооружения общественного пользования). Исчисленная таким образом величина представляет собой mixtum-compositum различных по своей природе слагаемых.

Мы уже говорили раньше о различии между народным богатством, понимаемым как сумма частных имуществ, и народным богатством, понимаемым как стоимость материальных объектов. Теперь нужно еще раз остановиться на этом моменте в связи с вопросом учета в народном богатстве государственного долга.

Казалось бы, что, прибавляя к сумме частных имуществ, взятых нетто (т. е. за вычетом долгов, лежащих на этих имуществах), собственность государства, административных учреждений и общественных организаций, можно было бы получить народное богатство как сумму материальных объектов. Но так было бы, если бы не было внутреннего национального долга, долгов общественных учреждений в виде всевозможных фондов и облигаций, бумажных денег. Все эти фиктивные ценности, как уже отмечалось, будут фигурировать в активе частных имуществ и войдут в состав народного богатства, если последнее получать как сумму имуществ всех собственников, включая государство, административные и общественные учреждения. Выходом из этого положения мог бы явиться вычет из имущества казны, местных органов и т. д. суммы внутреннего долга или выпущенных в обращение бумажных денег, рассматриваемых в данном случае как долг государства обладателям этих дензнаков. Некоторые исследователи так и поступают. Например, Чиозза-Моней учитывает стоимость облигаций внутреннего государственного долга у его держателей, но исключает эту сумму национального долга из стоимости имущества в коллективном владении. На такой же позиции стоит Стэмп. Последний считает государственный внутренний долг имуществом займодержателей и исключает его из стоимости государственного имущества. Так же поступает

[1] Исключение представляют те случаи, когда в основу исчисления кладутся данные страховой от огня статистики, не учитывающей, как правило, этих элементов в стоимости застрахованного имущества (см. об этом далее).

Джиффен, который исчисляет публичное имущество за вычетом внутренних займов («Public funds less home funds») [1].

Указанная точка зрения рассматривает, очевидно, облигацию государственного займа как право обладателя ее на часть обобществленного имущества, соответствующую стоимости облигации, аналогично тому, как вексель или обязательство в портфеле частного лица означает право его на определенную часть имущества должника при неуплате последним в срок по обязательству. Между тем такая частнохозяйственная точка зрения неправильна, ибо если государство или местное самоуправление не оплатит в установленный срок своей облигации, то общественные сооружения, формально служащие обеспечением займа, не могут быть проданы для оплаты кредитора или переданы последнему как эквивалент предоставленных когда-то государству денег. Да и кому могла бы быть продана или кому из частных займодержателей нужно государственное или городское имущество, значительная часть которого состоит из объектов публичного пользования, таких, как парки, дороги, улицы и тротуары, памятники и т. д.?

Еще нагляднее представится несуразность такой концепции, если взять теоретически мыслимый случай, когда национальный долг превышает стоимость имущества в руках государства и его органов. Это может иметь место в том случае, когда полученные по займу средства были истрачены не на производительные цели, а, например, на военные нужды.

Таким образом, облигация госзайма или бумажный денежный знак не могут быть признаны правом кредитора на участие во владении реальным материальным имуществом: и то и другое является только правом держателя бумажной ценности на получение определенного дохода, хотя бы не из поступлений от общественного имущества, а из налоговых поступлений по бюджету. Тем самым принципиально неправильно исчислять народное богатство как сумму частных имуществ плюс собственность казны и общественных учреждений, т. е. исходя из отдельных собственников имущества, хотя бы и вычитая все долги и обязательства, лежащие на отдельных владельцах его. Эти соображения приводят, таким образом, к выводу, что прямое исчисление стоимости материальных объектов, находящихся в распоряжении данной страны, является теоретически более правильным.

4. ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ЛЮДИ ЭЛЕМЕНТОМ НАРОДНОГО БОГАТСТВА?

На поставленный в заголовке вопрос следует сразу же дать категорический отрицательный ответ. Однако это совсем ясное с марксистской точки зрения положение [2] вызвало в буржуазной

[1] L. G. Chiozza-Money, Riches and Poverty, London, 1906; J. Stamp, British Incomes and Property, London, 1922; Rob. Giffen, The Growth of Capital, London, 1898, ch. II, table A.

[2] Сравни в связи с этим резкие замечания Ф. Энгельса по адресу Дюринга, по определению которого богатство есть «экономическая власть над людьми и

статистико-экономической литературе длительную и упорную дискуссию вплоть до самого последнего времени — дискуссию, которая по временам затихала, по временам же возобновлялась с новой силой и аргументацией. Поэтому необходимо бегло остановиться на этом вопросе, ибо если отрицательный ответ на возможность включения людей в состав народного богатства не вызывает сомнений, то не все логические выводы из этого ответа делаются и не всегда они ясны.

Уже один из наиболее известных статистиков XVII столетия — В. Петти вычислял стоимость людей [1], и далее мысль о включении людей как в принципиальной постановке, так и в конкретных исчислениях повторяется зарубежными исследователями вплоть до нашего времени. Ряд буржуазных ученых вычисляют «стоимость человека», включают стоимость людей в народное богатство, иногда мотивируя это, а иногда вводят ее в народное богатство контрабандой, как это было с Э. Реклю, на что было указано в «Введении». Правда, со второй половины XIX в. ценность населения уже перестает непосредственно входить в состав народного богатства, но часто не по теоретическим соображениям, а потому, что этот принцип подхода к «человеческому капиталу» недостаточно общепризнан (де Фовилль), или потому, что этому элементу отводится место в категории народного богатства в широком смысле в отличие от народного богатства в узком смысле, в которое люди не включаются. Тем не менее, исчисления стоимости населения, человеческого капитала, производятся социологами, экономистами, статистиками для разных целей [2]. Приведем конкретные иллюстрации.

Р. Джиффен исчисляет стоимость экономических потерь Франции в результате франко-прусской войны; Фарр оценивает современную и будущую стоимость человека; Викольсон исчислил живой капитал Соединенного Королевства для 1891 г. в 47 млн. фун. стерл. и считает, что он в 5 раз больше материального богатства. Краммонд исчислил потери в первый год мировой войны, в том числе и капитализированную ценность человеческих потерь («the

---

вещами». Ф. Энгельс указывает, что это определение смазывает классовые противоречия и различия между людьми и вещами, ибо богатство означает в капиталистическом обществе *господство над вещами*, а господство над людьми приобретается только «...*в силу* и *посредством* господства над вещами» (см. Анти-Дюринг, М., 1948, отдел второй, гл. V, стр. 174.)

[1] W. P e t t y, Verbum sapienti, London, 1691 (гл. 2 — о ценности населения).

[2] Известный американский экономист Ирвинг Фишер в своем исследовании (Irving F i s h e r, De la nature du capital et du revenu. Пер. с англ., Paris, 1911) насчитывает 14 известных экономистов и статистиков, считающих людей богатством (Davenant, Petty, Say, McCulloch, Valras, Engel, Nicholson, Pareto и др.), но перечень Фишера далеко не полон даже для периода до появления его труда, т. е. до XX в. (отсутствует де Фовилль, Лош и др.). Эйшталь (E. d' Eichthal) приводит только для Франции около десятка авторов и цифр стоимости человека и стоимости потери Францией «человеческого капитала» в первые месяцы империалистической войны (см. статью этого автора в «Journ. de la Société de Statistique de Paris» № 12, Déc. 1915: La valeur sociale des individus an point de vue économique).

loss of human capital»). Лош определяет ценность одного немца перед первой мировой войной в 15 тыс. марок и сопоставляет стоимость «живого народного богатства» с «мертвым», т. е. с вещественной частью народного богатства. Барриоль исчисляет социальную ценность людей по 11 странам и получает среднюю «ценность» человека от 23 600 франков (США) до 10 100 франков (Е. Россия) и эту ценность он сопоставляет с различными экономическими показателями.

Далее, уже в 30-е годы мы встречаем исчисления стоимости человека у американских, итальянских и немецких статистиков, на которых остановимся в дальнейшем. Наконец, уже совсем недавно американский автор Камм вычислял стоимость человека различного возраста и с разным доходом для доказательства выгодности «капиталовложений в самого себя», т. е. выгодности затрат на образование, ибо последнее повышает денежную ценность человека [1].

Вопрос о включении людей в состав народного богатства и, следовательно, об исчислении их стоимости, несомненно, был вызван тем, что многим исследователям бросалась в глаза связь между населением, его количественным составом, его физическими свойствами, культурными навыками, моральными качествами, с одной стороны, и народным богатством — с другой. Тем не менее нельзя включать людей и их качества в состав народного богатства, ибо те и другие являются *условиями*, *причиной* народного богатства, а не составной частью последнего. Нельзя отождествлять причину со следствием, упрекает Тюржон Ирвинга Фишера за некорректное выражение: «здоровье индивидов есть истинное богатство нации». Тюржон указывает, что здоровье есть «*условие* для богатения» («un principe d'enrichissement»), а не само богатство [2].

Сторонники включения людей в состав народного богатства в большинстве случаев исходят из предпосылки, что народное богатство состоит из всех объектов, приносящих доход. Так как люди получают или могут получать доход от своего труда, то указанная предпосылка логически приводит к включению людей в состав народного богатства.

«Поскольку человек является орудием производства, он представляет собой капитал, — утверждает де Фовилль, — на том же основании, что и лошадь, паровая машина или поле, и оценка чело-

---

[1] W. F a r r, Cost and the present and future economic value of a man, «Vital statistics», London, 1885; J. V i c k o l s o n, The living Capital of the United Kingdom, «Economic Journal», vol. 1, March 1895; Edgar C r a m m o n d, The cost of the war, «J. of the Roy. Stat. Soc.», vol. 78, pt. 3, May 1950; H. L o s c h, Lebendes u. totes Volksvermögen, «Allegem. Stat. Archiv», Bd. 8, 1914; A. B a r r i o l: 1) La valeur sociale d'un individu; 2) Complément á la note sur «La valeur sociale d'un individu», «Revue économique internationale», Déc. 1910, Mai 1911; J. K a m m, Investment-in-self, «The Review of Economics and Statistics, vol. 34, May 1952.

[2] Irving F i s h e r, op. cit., p. 215; Charles T u r g e o n, L'homme est-il un capital? «Revue d'économie politique» № 1, Jan.-Févr. 1924.

веческого капитала представляет проблему не более сложную, нежели другие» [1].

Известный статистик Энгель в своем докладе на сессии Международного статистического института в Риме [2] проводит тот же тезис о необходимости исчислить человеческий «капитал, который приносит свои плоды посредством человеческого труда. В международных сопоставлениях этот капитал не может быть оставлен без внимания». И, по мнению Энгеля, «цена дохода человека (т. е. его стоимость — *А. В.*) не отличается с экономической точки зрения ничем от цены дома или машины».

Этот же аргумент почти в тех же словах повторяет немецкий статистик Лош в полемике с Жижеком, когда последний поставил под сомнение правомерность вычисления Лошем стоимости издержек производства человека и стоимости людей как части народного богатства [3].

Приведенные рассуждения, которые можно было бы умножить, вытекают из чисто капиталистического представления о природе хозяйственного процесса и капитала. Однако они неправомерны даже с этой точки зрения. Ибо под доходом, который подлежит капитализации и определяет стоимость соответствующего объекта («Ertragswert», по немецкой терминологии), буржуазная экономическая теория понимает чистый доход, т. е. доход за вычетом расходов по получению этого дохода. Де Фовилль, а за ним Эйшталь и предлагают брать за стоимость человека разность между его продукцией в течение жизни и собственным потреблением, т. е. то, что можно назвать чистой продукцией (produit net). Это приращение народного богатства Эйшталь называет социально-экономической стоимостью человека.

Между тем, если вычесть из трудовых доходов расходы по содержанию и воспроизводству получателей этих доходов, то для капитализации дохода людей ничего или почти ничего не остается, ибо прибавочная стоимость, извлекаемая из эксплуатации человеческого труда сверх необходимых средств существования, составит прибыль и рентные доходы и в качестве таковых всегда капитализируется буржуазными статистиками для получения доходообразующей стоимости земли и капитала. Следовательно, капитализация трудовых доходов представляет собой бессмыслицу (nonsens) даже с точки зрения той же буржуазной экономической мысли, ибо это то же самое, что капитализировать валовой доход дома, который только покрывает издержки по эксплуатации и ремонту.

---

[1] A. de F o v i l l e, La France économique, 1887, p. 428. Цитируется по вышеназванной статье Эйшталя. Ту же мысль де Фовилль проводит в других своих работах, где он исчисляет среднюю стоимость взрослого здорового человека: Ce que c'est que la richesse d'un peuple, «Bul. de l'Inst. Int. de Statistique», t. XIV, Livr. 2, и др.

[2] E n g e l, op. cit., pp. 65—66.

[3] См. упомянутую статью Лоша (Lebendes u. totes Volksvermögen) и другую: Menschenökonomie, «Allgem. Stat. Archiv», Bd. 14, H. 4, Berlin u. Leipzig, 1925. В последней статье автор полемизирует с Жижеком (F. Ž i ž e k, Grundriss d. Statistik, 1921, S. 352).

Замена метода капитализации трудовых доходов исчислением «стоимости производства людей» («Kostenwert»), т. е. издержек по воспитанию, образованию и подготовке работника к какой-либо профессии, как предлагает Энгель и как это делает в своем исчислении Лош (см. его первую из названных статей), разумеется, принципиально ничего не меняет в постановке этого вопроса буржуазной статистикой: ни стоимость производства человека, ни стоимость его воспроизводства не могут быть приняты для оценки, во многих случаях затраты не находятся в каком-либо соответствии с результатом. Поэтому в отношении людей исчисление затрат теряет, даже с точки зрения буржуазной концепции, тот логический и экономический смысл, который оно имеет при оценке материальных, свободно производимых благ.

Необходимость учитывать в богатстве затраты на обучение и воспитание детей, на подготовку докторов, учителей и т. д. отстаивает также Стэмп, мотивируя тем, что это является действительным увеличением богатства, аналогично инвестициям капитала в определенной сумме на душу населения. И эту же пошлую мысль проводит через 30 лет американец Камм в своей статье под примечательным заглавием «Вложения в самого себя», где он доказывает, что затраты на образование имеют характер капиталовложений и их надо рассматривать с точки зрения рентабельности [1].

Итальянские статистики Пиетра и Феррари (Gaetano Pietra e Giovanni Ferrari) вычисляют стоимость жизни человека по методу страховых компаний от несчастных случаев, учитывая, с одной стороны, затраты на работника с момента появления на свет и суммы, необходимые затем для его жизни уже в период его работы, а с другой стороны — сумму зарплат, которую работник получит в течение своей жизни. Разница представляет собой сумму, которая может быть израсходована отдельным работником на свою семью, но отнюдь не народнохозяйственную ценность последнего [2].

Таким же путем определяют стоимость человека и американские актуарии Дэблин и Лотка в своей известной монографии, выдержавшей несколько изданий [3]. Для каждой возрастной группы и размера заработка (после вычета подоходного налога) они исчисляют сумму заработных плат, которые смог бы получить каждый работник данной группы при условии средней смертности, учитывая при этом пропорцию занятости; затем они вычитают стоимость содержания самого работника за все время его работы и проценты «на вложенный в него капитал», начиная с рождения и даже до рождения (расходы, связанные с подготовкой к его появлению на свет) и кончая совершеннолетием (из 2,5%).

---

[1] J. Stamp, British incomes and property, 3d ed., London, 1922, pp. 379, 380; J. Kamm, op. cit.

[2] См., например, The value of a man as a wage-earner, «Statistical Bulletin, Metropolitan Life Insurance Co» № 6 и 8 за 1926 г., а также статью: H. Staude, Der Wert d. Menschen, «Deutsches Stat. Zentralblatt» № 5/6 за 1927 г.

[3] Louis J. Doublin and Alfred J. Lotka, The Money Value of a Man. Rev. edition, N. Y., 1947.

Джини, защищая включение людей в состав народного богатства в целях возможности сопоставления последнего по странам, тем не менее резко возражает против подобной утилитарной трактовки американцами проблемы оценки людей. «Стоимость человека не есть только то, что он производит, и в Европе настаивают на этом пункте, издеваясь над американцами за их обыкновение измерять ценность человека его доходом» [1]. В человеке, по мнению Джини, сосуществуют две стороны: его производственный аппарат («l'appareil productif»), стоимость которого можно оценить описанным или близким к нему методом, исходя из критериев, принятых при оценке рабов или материальных капиталов, и, во-вторых, потребительный аппарат («l'appareil consommateur»). И если развитие первого определяет производительность и технический прогресс страны, то от развития второго зависят утонченность жизни и цивилизация народа, которые резко отличаются по странам. Поэтому, заключает он, «стоимость производственного аппарата не только не дает меры стоимости человека, но даже приемлемого индекса».

В результате Джини волей-неволей приходит к заключению о невозможности практически оценить потребительный человеческий аппарат. Эта невозможность препятствует, с его точки зрения, полноте исчисления и, следовательно, строгой сравнимости результатов исчисления народного богатства от страны к стране.

Но тогда какова же «цена», в которую нужно оценивать человека [2], и где критерий этой оценки?

«Человек стоит столько, во сколько сам себя ценит», — заявляет устами своего героя бессмертный французский сатирик Рабле.

Как бы перекликаясь с Рабле, через несколько столетий Ирвинг Фишер не без остроумия замечает: «Можно было бы быстро разбогатеть, если покупать человека по оценке других, а продавать последнего по его собственной» [3].

Трудность выбора метода оценки и самого исчисления стоимости человека при всяком методе является в глазах многих буржуазных статистиков серьезным «аргументом» для отказа от такого исчисления, хотя этот момент не может считаться принципиальным, и наиболее проницательные буржуазные ученые сознают это (например, тот же Ирвинг Фишер).

Противники включения людей в состав народного богатства среди буржуазных исследователей выдвигают в качестве принципиального аргумента — неотчуждаемость людей, непередаваемость их качеств из рук в руки. Только в отношении тех общественных формаций, где существует институт рабства, соответствующие ав-

---

[1] См. здесь и далее цитированную выше статью: C. G i n i, Sur les fondements..., pp. 55—57.

[2] Средняя «оценка» человека варьирует по приводимым Эйшталем цифрам различных источников и авторов от 3 до 4 тыс. франков (инженера — 400 тыс. франков).

[3] Франсуа Р а б л е, Гаргантюа и Пантагрюель. Пер. с франц., М.—Л., 1929, стр. 196; Irving F i s h e r, op. cit., p. 22.

торы допускают возможность включения в народное богатство людей, но только рабов, которые могут продаваться и покупаться. Экономическая теория имеет дело только с хозяйственными благами, к которым не относятся люди и их качества. Ибо для того, чтобы быть хозяйственным благом, объект должен передаваться за деньги, а владелец этого объекта лишиться его. Между тем человек не подлежит отчуждению (est incessible); моральные и интеллектуальные качества человека неотделимы от их носителей, и человек, оказывающий услугу, не лишается своих качеств, знаний, своего вкуса, таланта и т. д. Объекты богатства могут быть накопляемы, в то время как услуги человека исчезают в момент их производства и не поддаются осязаемому накоплению [1].

Наконец, с точки зрения статистической буржуазные авторы выдвигали еще следующий аргумент. Включение людей и их качеств в инвентарь народного богатства наряду с вещами по существу означало бы в значительной части *двойной счет*. Ибо книги, музеи, памятники искусства, музыкальные инструменты и т. д. имеют цену потому и постольку, поскольку современное общество обладает определенной степенью культурного развития и образования, поскольку существуют люди, умеющие читать, наслаждаться предметами искусства, слушать и понимать музыку и т. п.

Мы рассмотрели, таким образом, поставленную в этом разделе проблему в свете дискуссии буржуазных исследователей. Даже если исходить из буржуазных позиций, включение людей в состав народного богатства встречает, как было показано, трудно оспоримые возражения. Но вся дискуссия по этому вопросу является никчемной, так как сама его постановка неправомерна. К вопросу о ценности людей нельзя подходить только с экономической или статистической аргументацией, ибо эта проблема имеет прежде всего социологический аспект.

Нельзя приравнивать человека к материальным объектам, служащим для удовлетворения его потребностей. Воспитывание и культивирование человека, удовлетворение его потребностей нельзя мыслить в виде какой-то отрасли народного хозяйства, нечто вроде «человеководства». Между тем Лош договаривается до того, что ставит на одну доску воспитывание людей и производство свиней, — логическое развитие той его мысли, что стоимость человека и осла представляет по существу один и тот же феномен. А в другом месте он цинично ставит под сомнение целесообразность с экономической точки зрения (!) сохранения всех грудных младенцев, ибо неизвестно, полезно и выгодно ли это обществу в целом [2].

[1] См. по этому и следующему пункту вышеупомянутую статью Тюржона, вообще наиболее остро поставившего и наиболее исчерпывающе охватившего рассматриваемую проблему. Эта статья как бы подводит итоги дискуссии по этому вопросу среди буржуазных исследователей.

[2] См. вторую из названных статей Лоша, а также позднейшую статью Цана, вычислявшего стоимость человека и высказывавшего сходные идеи (F. Z a h n, Welchen Wert hat die deutsche Volkskraft? «Deutsche Bergwerkszeitung», 24/VIII 1935).

Такая постановка вопроса может возникнуть только при условии трактовки массы людей как аппарата или почвы для создания и взращивания избранных «полноценных» людей, т. е. она исходит из определенной ультрареакционной, расово-фашистской социологической концепции. И, вероятно, не случайно, что как раз германские и итальянские статистики (Цан, Феррари) в период фашизма особенно много уделяли внимания исчислению стоимости людей.

Поэтому трактовка людей как элемента капитала, включение людей и их качеств в состав народного богатства должны быть категорически отвергнуты.

Человек является источником богатства, производителем богатства, но не элементом последнего, аналогично тому как «...труд есть мера всех стоимостей, но сам он не имеет никакой стоимости» [1].

В Советском Союзе мы лишь метафорически можем называть людей и их качества богатством, капиталом, акцентируя тем самым особую высшую ценность человеческой личности в социалистическом обществе. Эта метафора по существу диаметрально противоположна взглядам буржуазных экономистов и статистиков, приравнивающих человека к машине, ибо она подчеркивает то бережное отношение к человеку, которое может иметь место только в социалистической стране.

Заканчивая настоящую главу, мы должны подчеркнуть путаность, неясность, противоречивость, эклектизм исходных теоретических позиций и предпосылок буржуазных авторов, благодаря чему какой-либо автор мог быть по своей точке зрения причислен и к нескольким направлениям и в то же время ни к одному из них. Дальнейшие разделы, посвященные изложению позитивного построения категории народного богатства и детальному рассмотрению отдельных вопросов исчисления, введут читателя в глубь проблемы народного богатства как объекта статистического исчисления.

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 180; см. также К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 57—58.